Москва Театр „Современник" Веч. клуб. 7 дек. 1996. с 9 7.12.96

«Современник» на Бродвее

В ноябре уходящего года московский театр "Современник" гастролировал в Соединенных Штатах Америки, давали три сестры", "Крутой маршрут", "Пигмалион". Первые два играли на самой престижной сцене, какой считаются (а каждый американец убежден в этом на сто процентов) театральные подмостки Бродвея. До "Современника" российских актеров здесь еще не принимали.

Постоянные читатели "ВК" знают нашу традиционную рубрику "Со стороны виднее?", под которой мы время от времени публикуем отклики зарубежной прессы о политических событиях в России. А почему бы, подумалось нам, не посмотреть глазами зарубежных театральных критиков на такой феномен российской культуры, каким является театр "Современник"? Предлагаем читателям познакомиться с заметками об американских гастролях театра, опубликованными в газетах "Нью-Йорк таймс", "Нью-Йорк пост" и издающейся на русском языке газете "Русский репортер", специально привезенными из Америки для "ВК" известным театральным критиком Виталием Вульфом.

"Нью-Йорк таймс", 9 ноября

Любовь и страдание женщин, имеющих только друг друга

Шаткие декорации выглядят так, будто они могут развалиться в любую минуту. Раздражающая музыка, диссонирующий военный марш повторяются слишком часто. Яростное вращение периодически выбрасывает мебель и оставляет актеров в тени.

Но не следует обращать внимание на весь этот невероятный внутрик. Московский театр "Современник" в четверг приехал на Бродвей и привез произведения великого чеховского "Трех сестер". Источником их внутреннего огня является не магия декорационного искусства, а захватывающая сила и простота исполнения. Перед нами постановка чеховского шедевра, передающая всю иронию, боль и абсурдность человеческой комедии; постановка, кажущаяся столь точной, что, несмотря на языковой барьер, возникает ощущение, что вы чувствуете дыхание персонажей, касающееся ваших щек. "Современник", созданный в 1956 году как открытое выражение оппозиции репрессии в мире искусств в Советском Союзе, дебютирует на Бродвее в Нью-Йорке в театре "Lunt-Fontanne" пятью спектаклями чеховской пьесы и тремя представлениями "Крутого маршрута", пьесы, написанной по мотивам мемуаров Евгении Гинзбург ее 18 годах в сибирском ГУЛАГе. Обе постановки играются по-русски с синхронным переводом на английский язык при помощи наушников.

Русские "Три сестры" — одна из двух версий этой пьесы на Бродвее в этом сезоне. Другая готовится режиссером Скоттом Эллиотом и будет показана в январе в театре "Рауздбаут". Режиссер русского спектакля Галина Волчек, являющаяся не только художественным руководителем театра, но и членом русского парламента, сотворила, избегая мелких частностей, внутреннюю панораму безвременного предреволюционной жизни мелкопоместного дворянства, жаждущего счастья и тоскующего о смысле жизни.

С первых минут открытия занавеса мы встречаем трех сестер: изнуренную Ольгу, печальную Машу и идеалистически настроенную Ирину — и у нас сразу возникает ощущение, что мы находимся в кругу реальной семьи потерянных людей, чувствующих друг друга и цепляющихся друг за друга. И в начало и в финал спектакля миссис Волчек внесла дополнительный элемент: сестры Прозоровы замирают как героическая статуя на мосту, возвышающемся над декорацией. Их платья вздымаются на зимнем ветру, и они кажутся шекспировскими сестрами из "Короля Лира" в пустыне, как три невинных существа, избиваемые теми силами, которые они не в силах преодолеть.

Ход событий сценических последствий, и мост, словно оставленный след от советского проекта "хайвей" (шоссе, вдавливающееся над улицами) — неуклюжий и привлекательный, составляет отправную точку идеи миссис Волчек: в страданиях и в стремлениях, в поисках цели и освобождения от сухих унылой жизни в провинции далекой от столь любимой Москвы, куда три сестры никогда не приедут, теряется смысл существования этих женщин, у которых ничего нет и которые имеют только друг друга.

Одно из удивительных свойств чеховской пьесы — это духовная общность, объединяющая не только трех сестер, но и всех остальных персонажей пьесы, которые, кружатся и клубятся вокруг прозоровского дома, до доктора. Чебутыкин (Игорь Кваша), старый алкоголик, всегда печившийся о сестрах, ныне сам страдает болезнью сердца. Внимательная к широкому смыслу Чехова миссис Волчек поместила декорацию на вращающийся стол, и то, что поначалу кажется случайными интервалами, на самом деле точно ведет действие, передавая замысел драматурга: расстояние характеров персонажей с их барами без любви, разбитыми сердцами и невысказанными томлениями. Эмоциональная суть постановки миссис Волчек — судьбы трех сестер, их внутренняя жизнь. Машу, чьи страсть к Вершинину есть вся ее жизни и возвращение к ней, играет русская актриса Марина Неелова — олицетворение мучительности и желаний. От первого взгляда на Вершинина, выбранного со свойственной ему смесью политики и смущения внутренне подтянутым Валентином Гафтом, видно, что она — потерянное существо. И наблюдая ее дорожащую беспомощность вплоть до финальной сцены прощания, когда она остается покинутой, начинаешь глубоко понимать смысл ее драмы.

Наблюдаешь и то, как сестры общаются друг с другом, как обмениваются взглядами Ольга (Галина Петрова) и Ирина (Марина Хазова), как теплы их объятия и минутные прикосновения, и все это создает особый язык интимности, добавляющий еще одну краску к поэзии Чехова. Мстительная, поверхностная Наташа в исполнении Елены Яковлевой предстает коварно-злобным человеком, и в итоге вся картина жизни "Трех сестер" на любом языке оказывается понятной. Может показаться, что каждый актер по разу сыграл свою роль. Но в любых других постановках этот недостаток был бы бедой. В данном случае это обернулось преимуществом. Словно Время прошло сквозь них и оставило следы несложившейся сухости жизни.

Питер МАРКС.

Финальная сцена спектакля "Крутой маршрут".

"Нью-Йорк пост", 12 ноября

Три приветствия русским «Сестрам»

Иногда это поразительно ясно, что есть их Чехов и есть наш Чехов. Есть Чехов в понимании русских и есть Чехов, которого мы в мире, говорящем на английском языке, приспосабливаем к нашим кровоточащим душам при помощи разного рода английских адаптаций.

Я это сознавал и раньше, когда смотрел спектакли МХАТа или БДТ из Санкт-Петербурга. И теперь вновь эта мысль пришла ко мне после революционной постановки "Трех сестер", привезенной московским театром "Современник" на Бродвей в театр "Lunt-Fontanne" и игравшей только пять раз.

Забудьте, что играют по-русски (одновременный синхронный перевод имеется в наличии) — это спектакль, который нельзя пропустить, его играют сегодня и завтра утром и вечером. Можно русскоязычный "Крутой маршрут" по пьесе Евгении Гинзбург, воспоминания о советском ГУЛАГе, играются театром в пятницу и дважды в субботу.

Но вернемся к Чехову. Театр "Современник", что в переводе означает "современный", был основан в 1956 году Олегом Ефремовым как альтернатива МХАТу, который по мнению судьбы Ефремов позднее возглавит как главный режиссер. Театр из Москвы специализируется на современных пьесах и чувствует себя как дома и в пьесах Олби, и в пьесах Чехова, чья постановка "Трех сестер" в режиссуре Галины Волчек, нынешнего художественного руководителя театра, представляет особую ценность и вызывает особый интерес.

По-английски говорящий Чехов — американский или британский — имеет одну общую тенденцию к поэзии. Большая часть наших постановок "Трех сестер" — это изысканные портреты сломленных, исходящих идеалистов, люди высокого происхождения, безжалостно оказавшихся в ловушке душевно расстроенных обстоятельств, страстно мечтающих вернуться в мир духовной Москвы.

Русские — если кто когда-нибудь видел полутрадиционные постановки Московского Художественного театра — так никогда не интерпретируют пьесу. Для них это реалистическая комедия с трагическими обертонами, далекодушевно похожей на реальную жизнь. В этой замечательной постановке "Трех сестер" персонажи неразрывно связаны с уходящим миром провинциализмом, их характеры корнями уходят в обыденность их жизни. Их стремления не выше, чем наши желания убежать в Диснейленд. Все это одновременно очень печально, забавно и правдиво. И они знают, что такое страсть. Вершинин (красивый, флегматичный Гафт) мог бы стать общим скучным местом с его вкусом к многословному идеализму, но его нарушающая супружескую верность страсть, которую он вызывает в Маше (восхитительно рефрижуясь в этой роли Марина Неелова), душераздирающа. Миссис Жигалова — Соленый — обычный психопат Валерий Шальнов — Тузенбах — природно повседневный человек, а то время как Наташа — Елена Яковлева — ужасная женщина, жена подобострунка Андрея (Борис Дьяченко), по природе откровенная сука.

Другие две сестры — безвкусно одетая, по-матерински волнующаяся Ольга (Галина Петрова) и увлекающаяся с годами свое раздражение, готовящаяся в учителя Ирина (Марина Хазова) — такие же живые персонажи, как и Кулыгин (Геннадий Фролов), Машин педантический галантный муж, как и Игорь Кваша, играющий старого, пьющего, страдающего доктора.

Все эти актеры проживают свои роли, делая текст своим. А Волчек как режиссер сделала их в рамках комического минорокомнатной чеховской пьесы с ее моментами надежд и отчаяния, отдаленными частными потрясениями и всеобщими мифы, в слезы и смех с финальной нотой необходимости выработать в себе человеческий стоицизм.

Чехов, как и Шекспир, знал очень много о человеческой глупости и безумии, и он перевел это знание в мир, граничащий с модернизмом. Эта глупость и знание жизни очень точно сегодня пробегают по сцене театра "Lunt-Fontanne".

Клайв БАРНС.

Г.Б. Волчек на сцене бродвейского театра "Lunt-Fontanne".

"Русский репортер", 15 — 21 ноября

7 ноября — праздник театра, а не то, что вы думали раньше

ИЗ ТЕАТРА В ТЕАТР ТРАНЗИТОМ ЧЕРЕЗ РЕСТОРАН

Этот в былые времена красный день календаря в нынешнем году стал по-настоящему большим театральным днем. В бродвейском театре "Lunt-Fontanne" "Современник" давал "Три сестер", а в "Национале" комедийный клуб "Кенотаф" отмечал новой программой свое первое годовщину. Оба зала были заполнены до отказа. Интерес с обеим премьерам был столь велик, что Марина Неелова — устроительница гастролей "Современника", которой по крайней мере теоретически надо было в ней вечер стоять за кулисами "Lunt-Fontanne" в полуобморочном состоянии, успела примениться в "Национал", выступить там и вернуться на Бродвей, чтобы принимать аплодисменты вместе с группой Галины Волчек, которой приехала сюда большой звездный состав, в который вошли Валентин Гафт, Марина Неелова, Игорь Кваша и другие.

На следующий день Питер Маркс отметил "Трех сестер" в "Нью-Йорк таймс" положительной рецензией, сообщив, что высокоинтенсивные стремления Волчек был оценимо-вий аспектам, на фоне которого так весомо работала страстность Неаловой и элегантность Гафта. Маркс обошел стороной проблему умения декорации, которая так беспокоила Чехова, зато не пожалел перечисленных эмоциональных деталей, которые (декорации) сказал, что они готовы были вот-вот развалиться.

Здесь были знаменитые артисты Кевин Клайн и Олимпия Дукакис, Тони Рандалл и Артур Миллер, Холл Прингс и Джон Фэнси. Одним словом, событие явно коснулось не только русских.

Для выдающихся в зале работников кинопромышленности, который, говорят, так решил в роль, что после спектакля допускал за кулисами знаменитостей, типа, типа "Марина (Неелова — Маша), ты что-то сегодня слишком большую паузу дала, перед тем как с Вилли (Гафтом — Вершининым) прощаться.

"ПИГМАЛИОН" В АТЛАНТИК-СИТИ

"Пигмалиона" привезли только в расчете на русских, и его премьера прошла в концертном зале "Bally the Grand" в Атлантик-Сити. Хотя это было далеко от Нью-Йорка, где, казалось бы, обитает большая часть театралов, ожидалось, что Атлантик-Сити станет сборным пунктом для русских из Пенсильвании, Нью-Джерси, Балтимора и Вашингтона. Так ли, иначе, зал был полон.

Мне показалось, что "Три сестры" были более стильными и более эмоционально насыщенными, нежели "Пигмалион", хотя пьеса была прочтена и воспринята, как говорится, на одном дыхании. Видимо, ее "слабость" в том, что мы все же далекованы от Англии начала века, и перед тем, как текст Шоу начинает быть универсальным житейским опытом, нам приходится преодолевать некоторую условность образа, костюма, языка, манер. Преодоление длится, пока не начинает действовать языка отношений героев. Тогда условность географии, истории и быта отходит на второй план. Судя по реакции зала, фраза Элиза Дулитл о том, что настоящая леди это не то, которая ведет себя как леди, а то, с которой себя ведут как с леди, кажется, можно не оставляет равнодушным, даже в нашей эпохой жиром и холестерином Америке.

НА ТЕАТРАЛЬНОМ ОЛИМПЕ

За общими разговорами с Галиной Волчек и Мариной Неаловой я попытался выяснить, насколько значительным для художественного руководителя "Современника" было это выступление на Бродвее.

Тут следует сделать отступление касательно американского театрального шовинизма. Какое бы фурфо не ставили на Бродвее, его премьеру называют всемирной. Даже если через два месяца спектакль с треском закроется, оставив за собой недобрую память, кучу долгов и, главное, так и не показавшись всему остальному миру. Эта заявка на всемирную значимость бродвейских премьер подкреплена, как золотым банковским фондом, аксиомой — Бродвей является театральным Олимпом. Здесь плохо не будет. Для меня это весьма спорная истина, поскольку, как мне кажется, изысканные московские театралы ни в чем не уступают нью-йоркским.

И тем не менее для Волчек (которую Неелова называет Волчок с ударением на последнем слоге) Бродвей остается театральным Олимпом, который она хотела покорить, и восхождение, подготовленное годами, с ударением на последнем, кажется, оставило ее удовлетворенной.

Откуда этот пиетет? Волчек рассказывает, как в 1978 году, она подчеркивает, что это были времена холодной войны, она побывала на бродвейской постановке "Хорошей лета" — "Chorus Line". Она говорит, что эта постановка ошеломила ее, и этот восторг жив в ней по сей день. О "Кордебалете" и "Скрипаче на крыше" она отзывается только с восклицательным знаком в конце каждой фразы. Можно до этого восторг описать на то, что культурный шок был усилен тем, что зритель и исполнители были гражданами стран, находящихся в состоянии холодной войны? Что то спектакля не просто зрелище, а плод другой, враждебной культуры?

В разговоре Волчек признает, что, по ее наблюдениям, американская публика реагирует смехом или аплодисментами совсем не на то, на что реагирует русская. Русские реагируют на реплику, жест, американцы — на скрытые от непосвященного показатели актерского мастерства. Иными словами, американцы как бы тонше.

Из чего я делаю вывод, что Америка по-прежнему остается для России и ее творческой интеллигенции мифологизированной terra incognita. Это там более поразительно, что нынешняя Россия изрядно путешествует, а Неелова рассказывает, что по большей части живет в Париже, где служит ее супруг — дипломат. В Москву же наезжает на спектакли или чтобы отправиться с театром на гастроли. Волчек в разговорах тоже вспоминает поездки, что была где-то в Европе на водах или в Сиэтле, или еще где. Одним словом, ездит немало, но Америка по-прежнему остается сказочной и непраздоподобной.

Может быть, поэтому Волчек так рвалась за то, чтобы ехать в Нью-Йорк не с двумя спектаклями, а в полном составе. В "Крутом маршруте" участвуют 50 актеров, и привезли всех. И собственные декорации вешали наперекор грядущему скептицизму Питера Маркса, который уже приучен к тому, что бродвейские сцены оснащают своим, компьютерами, механикой и специальными эффектами голливудские технари, и стоят они миллионы. Впрочем, "Крутой маршрут" рецензировал не театральный критик, а московский корреспондент "Таймс" Майкл Слезак, который написал не о декорациях, а о суть спектакля — трагедии узников ГУЛАГа, рассказанной бывшей его узницей Евгенией Гинзбург.

Впрочем, к вопросу о роли Бродвея в сознании русского режиссера можно подойти не с теоретической, а с чисто практической стороны. Пусть "Современник" пал на Бродвей, но увидела его и русская Америка. Для американцев, могущих видеть "Три сестры" и "Крутой маршрут" старыми из многих десятков постановок, обязательная показ за театральный сезон. Для русских это будет событием, которое останется в памяти на долгие годы. В этом можно не сомневаться, поскольку обстоятельная Волчек приезжала в Америку не просто весь свой театральный ударб, все декорации, весь свет и всех актеров. Она привезла высокий класс российского театра, словно задав уровень качества для тех гастролеров, которые последуют сюда за ней.

"КАНОТЬЕ" — ОДИН ГОД

В последние месяцы я стал впадать в ностальгию по российской культуре. Меня радует то, что в Нью-Йорк приезжает на гастроли театр "Современник", но меня терзает то, что, помимо него, сюда могут катиться волны сотни второразрядных деятелей бывшей советской и нынешней российской культуры. Я с печалью отмечаю, что подавляющее большинство эмигрантских газет стали русофобскими по букве и духу. Их пишут (сами того не ведая) сотни российских журналистов. Дело не в том, что эти статьи плохие. Иногда они хорошие. Проблема в том, что параллельно с информацией об иммиграциях, нахождении проституции и кремлевских разборках мы наблюдаем, как нашим медиаодолжением. Читая эти статьи, можно почувствовать себя сидящим где-то в ЦЕРО им. Горького со всеми [illegible] ставшими. Разве для этого мы уехали? Увы, мы оказались в буквальном зоне. Мы — оставленный ломоть для России, и мы никогда не прилепимся к Америке. Мы — эмигранты, в связи с этим я рад за создание эмигрантской культуры. Потрясающий театр "Кенотаф" порождение [illegible] и в с [illegible] эмиграции [illegible] театральные коллективы. Первый — "Кенотаф" [illegible] Саши Журбина. "Кенотаф" — из нас и про нас — это единственно возможное обобщающее заключение, которое можно вынести со спектакля, превзошедшего [illegible] расчетным ожиданиям. Все остальное надо слушать самому, и, поскольку "Кенотаф" пока никуда не уезжает, следите за рекламой.

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ.

Со стороны виднее?

Сцена из спектакля "Три сестры".